

УДК 81'27, 81'282.4

UDC 81'27, 81'282.4

Пустовалов Олег Викторович**Национальный исследовательский Томский политехнический университет****г. Томск, Российская Федерация****Oleg V. Pustovalov****National Research Tomsk Polytechnic University****Tomsk, Russian Federation**

pustovalowol@yandex.ru

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОТОМКА РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В КИТАЙСКОЕ ТРЁХРЕЧЬЕ В XX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ УСТНОЙ
РЕЧИ ОДНОЙ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ РУССКОЙ ВОСТОЧНОЙ
ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ)
SPEECH PORTRAIT OF THE RUSSIAN EMIGRANTS' DESCENDANTS
IN THE CHINESE TREKHRECHIYE (BASED ON THE RECORDINGS OF
THE ORAL SPEECH OF REPRESENTATIVE OF RUSSIAN EASTERN
MIGRATION TO CHINA)**

Аннотация

В статье осуществлено речевое портретирование русских переселенцев в Китай в XX в. – Лидии Д., проживающей в китайском Трёхречье, которое было одним из мест переселения русских в Китай. Данная территория расположена в автономном районе Внутренняя Монголия на севере Китая. Изучение особенностей сохранения языка в условиях билингвизма на протяжении нескольких поколений обуславливает актуальность данного исследования. Цель статьи – создание речевого портрета потомка русских эмигрантов в Трёхречье для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма. В статье представлены грамматические, фонетические, лексические, синтаксические особенности речи информанта. На всех уровнях языковой системы отмечены следы межъязыковой интерференции, обусловленные типологическими различиями двух контактирующих языков, а также присутствие русских диалектных черт. Статья написана по материалам научно-исследовательских экспедиций, осуществленных автором в 2017 и 2018 гг.

Abstract

The article describes the speech portrait of Lydia D., who is a representative of the Russian emigrants' descendants to China in the twentieth century. Lydia D. lives in Trekhrechiye. This territory is one of the places where Russians moved in the XIX century. Trekhrechiye is located in the Inner Mongolia Autonomous Region in the northern part of China. The article presents analysis of phonetic, lexical and grammatical features of the informant's speech. The study of the peculiarities of language preservation, in the situation of bilingualism for several generations, determines the relevance of this study. The purpose of the article is to create a speech portrait of a descendant of the Russian emigrants to Trekhrechiye in order to show the peculiarities of language preservation in the situation of the Russian-Chinese bilingualism. The article presents grammatical, phonetic, lexical, and syntactic features of the informant's speech. There are traces of interlanguage interference at all levels of the language system as a result of typological differences between the two contacting languages, as well as the presence of Russian dialect features. This article is based on the results of 2 research expeditions carried out by the author in 2017 and 2018.

Ключевые слова: речевое портретирование, русский язык в Китае, диалектная форма языка, билингвизм, интерференция.

Keywords: speech portrait, Russian language in China, dialectal forms of the language, bilingualism, interference.

1. Введение

Социально-речевое портретирование является одним из методов анализа языковой личности, в том числе билингвальной. Оно дает возможность целостно и типологически осмыслить речь информантов. Создание речевых портретов нашло отражение в работах таких учёных, как Т. Г. Винокур [Винокур, 1989], С. В. Гордеева [Гордеева, 2012], Т. И. Ерофеева [Ерофеева, 2017], Е. А. Земская [Земская, 2000; Земская, 2008], М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [Китайгородская, Розанова, 1995], Л. П. Крысин [Крысин, 2001], Т. М. Николаева [Николаева, 1991], Е. А. Оглезнева [Оглезнева, 2009], М. В. Панов [Панов, 2002] и других.

Созданы речевые портреты представителей различных социальных групп, в том числе речевые портреты представителей русской эмиграции в XX в. Так, Е. А. Земской был предпринят опыт речевого портретирования представителей послереволюционной волны русской эмиграции на запад [Земская, 2000; Земская, 2001; Земская, 2008]. Е. А. Оглезнева представила в своих работах речевые портреты русских харбинцев, относящихся к восточной ветви послереволюционной эмиграции [Оглезнева 2006; Оглезнева 2009]. Следует отметить, что эмиграция на восток осуществлялась в страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Китай, Японию, Корею и далее в Австралию (в большинстве случаев через Китай). В Китае, который географически находится ближе всего к российской территории по сравнению с другими указанными выше странами, центрами эмиграции являлись города Харбин, Шанхай, Тяньцзинь, а также города и поселки по линии Китайско-Восточной железной дороги и район так называемого Трёхречья.

Восточная ветвь русской эмиграции получила своё продолжение в лице потомков переселенцев, в частности тех, которые до настоящего времени проживают в Трёхречье – автономном районе Внутренняя Монголия, находящемся в Китае. Потомки русских переселенцев сохранили русский язык, но в своеобразном состоянии.

Цель статьи – создание речевого портрета потомка русских эмигрантов в Трёхречье для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма. Объектом речевого портретирования выступила языковая личность Лидии Д. – потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в., жительницы города Лабудалинь городского уезда Аргунь автономного района Внутренняя Монголия в Китае. Это и есть район так называемого Трёхречья, или Саньхэ, названный так по расположению в бассейне трёх рек – Ган, Дербул и Аргунь [Колобова, 2006]. Трёхречье, было одним из мест активного переселения русских из России в послереволюционный период – в 20-30-е гг. XX в.

Изучение особенностей сохранения языка в условиях билингвизма на протяжении нескольких поколений обуславливает актуальность исследования.

Лидия – потомок от смешанного брака во втором поколении, сама представляющая третье поколение русских переселенцев. Родившись в Китае, Лидия сохраняет диалектную форму русского языка и в общении с носителями русского языка говорит на русском диалекте.

В область языковой компетенции Лидии в настоящее время входят два языка: китайский и русский. Основным является китайский, который она использует во всех сферах официального и неофициального общения, русский же используется ситуативно.

Научная новизна исследования заключается во вводимом в научный оборот уникальном материале – записях устной речи билингва [Беседа..., 2017–2018], представляющего потомков русских эмигрантов в китайском Трёхречье – и предпринятом опыте его речевого портретирования.

2. Особенности речевого портрета Лидии Д.

Лидия Д. (имеет русскую фамилию) родилась в 1951 г. в селе Тулунтуй – одном из 19 русских сел китайского Трёхречья. Была крещена в православии, при крещении ей было дано имя Анна. Отец Лидии – китаец, родом из провинции Шаньдун. Мать звали Груня Д. (имела русскую фамилию), «полукровка», родилась в смешанном браке от русской матери и отца-китайца. В семье Лидии домашним языком был китайский: родители разговаривали друг с другом по-китайски. Дед Лидии по материнской линии – тоже китаец, родом из провинции Хэбэй, а бабушка – русская, родилась в селе Бура в Забайкалье¹. Они встретились на российской (тогда – советской) территории.

У меня баушка / Она русска // Она там / в России родила (сь) // Ну / тут / наверно близко где-нибудь // Близко / тут // Ган проедешь там же сразу русские стороне // Ну / так прозвали эту деревню там Бура / Бура / вон там же жили // [Фоноархив «Русское Трёхречье»].

Лидия всю жизнь прожила в Трёхречье: сначала в селе Тулунтуй, где родилась, после замужества – в селе Щучье², а в настоящее время проживает в городе Лабудалинь:

Мы родились в Тулунтуе / в Трохречье // Там я в Тулунтуе родилась // Потом-ка я на Шучу замуж вышла // <...> Потом-ка суды перекочевали // Ну суды перекочевали уже <...> С Тулунтуя // В Шучу я в замуж вышла / Потом-ка детей наносила / пока да чо да и вот / сняла со с работы и суды потом приехали / мы суды перекочевали // Тут уже десять лет / живём //.

Лидия училась в китайской школе 6 лет. О времени учёбы в школе вспоминает так:

Ага / летом рано / летом рано // Да / кого / мы маленьки были / летом тоже шибко рано не вставали // В семь часов / или там в восемь часов / пойдём в школу / ране с полчаса встанем / умоемся / вычешемся / и в школу //.

Культурная революция в Китае помешала Лидии продолжить образование. По-китайски Лидия читает плохо, как она сама говорит, «маловато». По-русски не умеет ни читать, ни писать. Большое значение для поддержания русского языка имел муж Лидии, который также родился в смешанном браке от русской матери и отца-китайца, но хорошо говорил по-русски:

Мы вот с мужем всё // У меня муж так-то / он хорошо говорит по-русски // Мы другой раз-то разговариваем / всё по-русски // Он если говорит / я с ём //.

Хорошее владение русским языком у мужа Лидия объясняет так: *Он поучёный был // Это как это он говорил / у него бабушка / дедушка все же по-русски говорили и мать / отец по-китайски / но где где / тоже по-русски // Он-то там / кулак // Он по-русски поучёный / да и говорил // Я за него вышла / мы где-где тоже по-русски говорим // Маленечко подучилась / да тоже кого / шиворот навыворот //.*

Лидия работала в производственной бригаде, в настоящее время является пенсионеркой:

Дак / это на китайской языке всё училися / А потом-ка мы это поболе / давай / работать <...> // Нет, это как сказать шэнчаньдуй³ // <...> Да / производственная / Мы же щас все снялись с работы / нам пенсию идёт //.

¹ В настоящее время село Бура находится в Калганском районе Забайкальского края.

² В 1940-х годах, как отмечают исследователи, в Трёхречье было 19 русских деревень: Драгоценка, Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Караганы, Попирай, Щучье, Покровка, Верх-Кули, Усть-Кули, Лабдарин, Чилотуй, Светлый Колуй, Барджакон, Лапчагор, Верх-Урга, Усть-Урга, Ширфовая и Нармакчи [Соломеина, 2013, с. 226].

³ 生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375].

У Лидии трое детей – две дочери и сын:

У меня / троя // Девочки / двоя // Мальчик – один //

Старшая дочь родилась в 1973 г., младшая – в 1980 г., сын родился в 1975 г. Сын не говорит на русском языке, старшая дочь говорит по-русски и понимает русскую речь:

Не / не говорят // Вот это / у меня большая девушка говорит / понимает // Говорит мало-малко // Ну / училас / Мало-малко-то поучилас на русском языке / Дак / она училась в школе в Хайларе // Учителшиа учила //

Дети названы китайскими именами, русских имён, как это часто бывает в таких семьях, у детей нет, но внука иногда называют русским именем Владимир:

(В) Китае // Вот обязательно чтобы дедушка имя дал по-русски // Деда / говорит / так вы китаецсы / вам што русское имя? (Внук говорит) Нет // Дай / да и всё // Вот // Он потом говорит / видно дедушка ему Володя // Теперь же не зовите меня здесь / русских-то нету / так / а вы почему меня зовете-то Володя? Потом спросит тебя Володя папа как? Ну / вон большой Володя / а я маленький Володя //

Лидия осталась до преклонных лет православной верующей, дома висят иконы. Посещает православный храм в г. Лабудалинь: *Молимся / я каждую неделю // Вот в воскресенье // Сёдня / сёдня воскресенье / я вот свечи зажигаю и Богу молюся-ка вот // Каждую неделю // Ну вот / утром встаю (у)моюсь / ниче не делаю / вперёд Богу молюсь //*

В рассказах Лидии актуальна тема русской жизни, русского быта, о которых она повествует на русском диалекте, испытавшем влияние основного для неё китайского языка, с использованием русской диалектной лексики. Так, она вспоминает о русской еде, которую готовила мать:

Ну / всё готовила // где лыбу / мы шио-та маленьки были // Ну / у нас мама печенье пекла / всяко тоже / всё запекала / где вот мясо / поросят тама-ка запекала всё // <...> // Где пряники тама-ка / где вот эта / калачики / да чо да вот всякие // <...> Шанги пекли из этих // <...> // Картомники всё всяко // У нас мама хорошио пекла // <...> // Черемуху намелешь иной раз // Насеешь эту муку / заваришь // Где это тама-ка ягода всё это есть // Варенье наваришь / заваришь / потом тарочки пекешь // Дак голубица есть // Брусница // <...> Дак с молоком сперва сами вот где пропускали // Тама-ка у кого может сепаратор есть // Таскали там пропускали вот сметану // всё а потома-ка во все забрали же коров всё забрали и всё сдали //

об особенностях рыбной ловли:

Вот / вот // Перемётья // Я уже шас все позабыла // Перемётья есть / он все вот на лодке ездил // Вот // Мы раньше там жили / возле речки // Вот // Спуститься и поедет / поплывёт туды / сети поставит на всю ночь // Вот в это время поплывёт / поставит // Утром потом поедет / соберёт //

о русских посиделках:

Где сами поют / где ето // Где насобируются старушки тоже // Сядут чай пить тоже для себя и тоже запоют // Сами себя веселят и всё //

Анализ записанных устных рассказов Лидии на русском языке показал, что она владеет диалектной формой русского языка. Основной причиной этого является русское крестьянское происхождение её бабушки и матери, от которых Лидия усвоила русский язык, а также проживание в сельской местности, среди русских, говорящих на русском диалекте.

Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности речи Лидии.

2.1. Фонетические особенности

2.1.1. Вокализм

1. В первом предударном слоге после твёрдого согласного и в абсолютном начале слова фонемы <о> и <а> реализуются звуком [а], т. е. наблюдается **аканье**. Например, *к[а]лэчки, п[а]тёма-ка, б[а]юсь, [а]нё*.

2. В некоторых случаях наблюдается различие фонем <о> и <а> в первом и втором предударном слогах: *г[о]лубица, выг[о]вариват, п[о]дряжэют*.

3. В первом предударном слоге после мягких согласных наблюдается иканье – такой тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы, кроме <у>, совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]: *д[и]рэвня, ум[и]рлэ, п[и]р[и]эхали, у-м[и]ня* и др., хотя в некоторых случаях отмечается и еканье – тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [е] [Касаткин, 1989, с. 48]: *р[е]волюция, п[е]р[е]вóдчика, кр[е]стíл*.

4. В единичных случаях в безударных слогах после мягкой согласной наблюдается яканье – тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы неверхнего подъёма совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных всегда или в части позиций в звуке [а]: *ч[а]рёмуха*.

5. Ударные гласные более длительны, чем в современном русском языке: *ўтишится (учится), крешёны (крещёные), утишбтелша (учительша), дбтишка (дочка)*. Безударные гласные, по нашим наблюдениям, в меньшей степени подвержены редукции по сравнению с современной русской разговорной речью. Это даёт впечатление «небеглости» речи.

2.1.2. Консонантизм

1. Звонкий заднеязычный согласный представлен в речи [г]-взрывным: *г[г]олубица, г[г]рибы, о[г]ород, сабо[г]и (=сапоги), дол[г]о, я[г]ода*.

2. Сочетание [жд] в корне произносится как твёрдое [жж]: *Ро[жж]ество, до[жж]и*.

3. Сочетание [чн] произносится как [шн]: *Ярни[шн]а (Ярничная – название деревни)*.

4. В возвратных формах глаголов 3 лица ед. и мн. числа ассимиляция согласных отсутствует: *учи [тс']а, охоти[тс']а, пасу[тс']а*.

5. В словах сюда и отсюда произносится твёрдый [с]: *[суда], [отсуда]*.

6. Аффриката <ц> присутствует в речи и имеет несколько вариантов артикуляции. Она реализуется в речи информанта: а) как [ц]-твёрдый (*доктори[ц]а, [ц]ерква*); б) сочетанием звуков [тс] с ослабленным [т] и преобладающим свистящим [с] (*китае[тс], китае[с]ы, голуби[тс]а*); в) как мягкий [ц'] (*револю[ц']ия*).

7. В речи информанта шипящая фонема <ш'> произносятся как твёрдая: *жэнишына, мушшына*.

8. Долгая мягкая шипящая фонема произносятся твёрдо: *шшотка, шшо, крешшоны, жэнишына*.

9. Отмечается произношение твёрдых согласных на месте мягких перед гласными: *учи[тэ]лша, отсуда, ч[а]ромуха, перэводтишэца*.

10. Зафиксированы огласовки⁴ местоимений, свойственные диалектам и просторечию: *[ч'о] – что, суды – сюда, отсэдова – отсюда, тута – тут, тама – там, туды – туда, куды – куда*.

⁴ Аналогичное явление отмечают исследователи в речи диалектоносителей Забайкалья

11. Прослеживается вариативность ударения в некоторых словах: *бы́ло* – *было́*, *говори́ть* – *говори́ть*, *теплó* – *тёпло*, *положи́ть* – *поло́жить*, *моего́* – *моёго*, *далеко́* – *далёко*. Многие особенности, которые представлены выше, прослеживаются в русских говорах [Игнатович, 2009 ; Касаткин, 1989 ; Князев, 2008 ; Николаева, 1991 ; Пустовалов, 2018 ; Юмсунова, 1999], что позволяет сделать вывод о диалектной основе речи Лидии. В речи Лидии часто встречается фонетический эллипсис: *ничо*, *шас*, *када*, *некада*, *гврит*, *семисят*, который является характерным для русской разговорной речи и просторечия, хотя, наряду с этим, в разговорной речи информанта представлены и полные формы: *когда*, *сейчас*.

Яркой чертой речи Лидии являются фонетические особенности, возникшие в результате интерференции под влиянием китайского языка.

1. Аффриката [ч] произносится как [тш]: *дево[ти]ка*, *уло[ти]ка*, *перев[ти]к*, *перэвод[ти]эца*, *сей[ти]ас*, *до[ти]ка*, *вну[ти]ка*, *ленто[ти]ки*, *плато[ти]ки*, *рань[ти]э*, *пе[ти]ки*. Н. А. Спешнев в своей работе «Фонетика китайского языка» указывает на то, что аффриката [tʃ] в китайском языке всегда твёрдая [Спешнев, 1980, с. 48].

2. У аффрикаты [ц] появляется придыхательный элемент, как это происходит при произношении звука [tsʰ] в китайском языке: *соиц^х*, *япоиц^х*, *пшениц^х*, *революц^х*, *китаец^х*. Также необходимо отметить произношение аффрикаты [ц] в речи Лидии по аналогии с аффрикатой [с] в китайском языке. Н. А. Спешнев описывает данную аффрикату следующим образом: «Глухая аффриката [tsʰ] представляет собой сочетание смычного согласного [tʰ] с щелевым согласным [s]. Аффриката [tsʰ] отличается от русского [ц] положением кончика языка, который более приподнят к альвеолам, как у согласного [tʰ], придыханием и более длительным щелевым моментом. Данная аффриката всегда твердая» [Спешнев, 1980, с. 47].

3. Отмечены также единичные случаи придыхания у глухих согласных перед гласными: *по-китайск^х*, *бабушк^х*, *старык^х*.

4. Наблюдается вокализация речи: имеются случаи упрощения групп согласных и добавления гласных между согласными или в конце слова: *понгравилось*; *садитеси*, *по-китайсы*, *спомнила*.

5. Частотно встречается неразличение звонких и глухих согласных: *пензия*, *сабоги*, *козули*, *каг*, *тога*, *бапушка*. Это обусловлено отсутствием в китайском языке фонологического противопоставления глухих и звонких согласных [Каверина, 1988, с. 91].

6. В единичном случае встретилось произношение [л] вместо [р]: *все готовила // где лыбу* (вместо: *рыбу*).

7. Отмечено тоническое произношение имен собственных, в частности, топонимических названий: Эньхэ (恩 和), Саньхэ (三 河) и др. При произнесении названия села Эньхэ Лидия произносит первый слог ēn (энь) первым тоном⁵. Первый тон в китайском языке является высоким и ровным [Спешнев, 1980, с. 17]. Второй слог hé (хэ) произносится вторым тоном. Второй тон – это восходящий тон [Спешнев, 1980, там же]. При произнесении названия села Саньхэ Лидия произносит первый слог sān (энь) первым тоном. Второй слог hé (хэ) произносится вторым тоном [Спешнев, 1980, там же].

Темп речи Лидии можно охарактеризовать как средний, но он может меняться в зависимости от темы разговора, знания лексики. Необходимо отметить, что общий уровень владения русским языком у Лидии достаточно высокий. В своей речи она использует приёмы звукового выделения некоторых семантически значимых участков высказывания через интонацию, увеличение силы звука, повышение или напротив понижение тона и удлинение гласного: *Рожжество тама-ка (пауза) в Лабдарине / вот //*

⁵ Тон – мелодическая окраска слога [Спешнев, 1980, с. 16].

Они вот собирау-у-тца (удлинение гласного) // Ну / щас / китайцы тоже смешаны (понижение тона) //.

Многие выявленные фонетические особенности демонстрируют диалектную основу речи Лидии, другие возникли под влиянием интерференции. В целом можно отметить наличие в речи существенных отклонений от фонетических норм современного русского литературного языка.

2.2. Морфологические особенности

На уровне морфологии были выделены следующие особенности в речи Лидии:

1. Форма родительного падежа множественного числа существительного *день* представлена вариантом с нулевой флексией и чередованием *е/о* в корне: *сорок дён* (вместо: *дней*).

2. Форма винительного падежа существительных множественного числа представлена вариантами *держали бараны, коровы* (вместо: *держали баранов, коров*).

3. В форме творительного падежа существительных наблюдается использование флексии мужского рода вместо флексии женского рода и наоборот: *литовком косили* (вместо: *литовкой косили*), *переводчицем была* (вместо: *переводчицей была*).

4. Местоимение *этот* в форме предложного падежа имеет флексию -ИМ: *в этом лесу* (вместо: *в этом*).

5. При образовании множественного числа у названия детёнышей животных используется флексия -И, вместо флексии -А: *утяты (утята), гусяты (гусята), цыпляты (цыплята), бараняты (ягнята)*.

6. Местоимение *сколько* всегда употребляется в особой форме – *сколь*.

7. Местоимения 3-го лица *он, она, оно* употребляются в косвенных падежах без начального «н»: *с ём, за имя́, с имя́, можете с имя* (вместо: *с ним, за ними, с ними, можете с ними*).

8. Отмечается использование местоимений *кого, никого* для указания на отсутствие предмета, свойства, явления: *сейчас никого нет, она никого не ест, я никого не умею, кого это ты сказала*. В соответствии с языковой нормой в этом случае должны употребляться местоимения *что, чего, ничего*.

9. В речи информанта широко используются стяженные формы прилагательных, местоимений: *кака́, желта́, русска, гра́мотны, котóры, старá*.

10. Возвратный постфикс глаголов представлен вариантом -СЯ и -СЬ, но более частотным является вариант -СЬ: *поучился, остались, повстались, родилась, разъехались, подучилась, снялись, проверилась, охотились, боюсь* и т. д.

11. Отмечено употребление возвратной формы глагола вместо невозвратной: *Нет // я это же болела // Провериться / мол съездиться (вместо: съездить) // Там проверилась //; У меня мамы баушка // Она – русска // Она там / в России родила (вместо: родилась) //*

12. Императив глагола размешать представлен формой *размей* (вместо: *размешай*).

13. Отмечено использование грамматических показателей китайского языка, в частности служебного слова *ла* 了 [le], которое употребляется в постпозиции и среди множества значений имеет значение завершенности действия, изменения состояния: *Тоже их / стары нетула // Одни дети остались //*

14. При использовании падежных форм имён существительных отмечается преимущественное употребление формы именительного падежа. Так, именительный падеж может быть использован вместо родительного падежа: *татары много* (вместо: *татар много*), *мало было колечки, браслеты* (вместо: *колечек, браслетов*); именительный падеж вместо винительного падежа: *мы поставили икона* (вместо: *мы поставили икону*).

15. Наряду с этим наблюдается использование одних косвенных падежей вместо других. Например, творительный падеж может быть использован вместо родительного падежа: *огурцом накупим* (вместо: *огурцов накупим*); дательный падеж вместо творительного падежа: *съездит за вам* (вместо: *съездит за вами*).

16. При реализации глаголов отмечены случаи использования формы единственного числа вместо множественного и наоборот. Например, единственное число вместо множественного: *Русские школы было* (вместо: *русские школы были*); множественное число вместо единственного: *приезжали батюшка* (вместо: *приезжал батюшка*).

17. При употреблении глаголов обнаружено использование несоответствующей временной формы или несоответствующей формы наклонения: формы глагола прошедшего времени вместо инфинитива, например, *дети остались у него не стали* (вместо: *дети оставаться у него не стали*); форм изъявительного наклонения вместо сослагательного, например, *Мама если жива шас будет / так цзюшилю⁶* (вместо: *Если бы мама жива была, то ей было бы 96*); формы глаголов настоящего времени вместо прошедшего, например, *Мы вот с мужем все // У меня муж так-то он хорошо говорит по-русски // Мы другой раз-то разговариваем / все по-русски // Он если говорит / я с ём //* (Муж Лидии умер, поэтому в данном случае необходимо было употребить формы прошедшего времени – О. П.).

18. Одной из наиболее ярких особенностей речи Лидии является наличие стяжённых форм: *знам, Караванна, чиста, сделам, болишá*. Стяжение наблюдается в окончаниях глаголов 1 лица множественного числа, прилагательных женского рода, субстантивированных прилагательных.

2.3. Синтаксические особенности

1. Отмечен неправильный выбор предлогов: *У нас на книге не так написано* (вместо: *в книге*); *У меня мама шалюшки вязала с пуху* (вместо: *из пуха*); *Я по эти года* (вместо: *в эти года = в это время*).

2. В некоторых случаях опускается предлог «в» с пространственно-временным значением: *А сейчас уехала Устюров // эти деревни татары много*.

3. В качестве моделей для построения предложений иногда используются синтаксические модели китайского языка. Так, например, в китайском языке для обозначения приблизительного количества используется показатель 多[duō] – ‘больше’, который ставится после существительного, 一年多 [yī nián duō] (буквально: ‘один год больше’; литературный перевод: ‘больше года, год с небольшим’). В русском языке ‘больше’ ставится перед именными формами в таком употреблении. Лидия же в своей речи использует порядок слов по типу китайского языка: *Сорок лет боле //; дак тридцать боле / где сорок боле тоже бывает //*

Проведя анализ морфологических и синтаксических особенностей речи нашего информанта, можно сделать вывод о том, что в целом грамматическая система русского языка сохранена. Однако отклонения от грамматической нормы русского языка имеются. Эти отклонения обусловлены: а) диалектным характером речи и являются нормой для диалекта; б) влиянием китайского языка – интерференцией.

2.4. Лексические особенности

Анализ лексических единиц выявил семантические кальки как результат лексической интерференции: *болиша девка, младшая девушка* (вместо: *старшая дочка, младшая дочка*). В китайском языке в подобных словосочетаниях употребляются

⁶ 九十六 кит. девяносто шесть

многозначные прилагательные 大 [dà] ‘большой, крупный, старший’ и 小 [xiǎo] ‘маленький, мелкий, младший, молодой’. Также при обращении к маленьким детям в китайском языке используется слово 小 [xiǎo], а к старшим по возрасту людям 大 [dà], поэтому Лидия использует в своей русской речи словосочетания, представляющие собой дословный перевод с китайского языка: *вот он большой Володя, а я маленький Володя*.

Диалектный характер речи Лидии находит отражение в составе её словаря. Основу её лексикона составляют общенародные и разговорные слова: *коровы, лошади, собака, соседка, брюки, штаны, валенки, грибы, малина, граница, кулак, капуста, морковь, внук, школа* и др. Кроме того, встречается много диалектных и архаичных слов: *чúшка, баранúха, шалюшка, кáтанки, когó* (в значении ‘что, чего’), *далёко, бра́вый* (красивый), *литóвка* (коса), *малко* (мало), *нарошечно* (нарочно) и другие.

В речи Лидии встречаются уменьшительные формы слов – деминутивы, которые служат для оценки, описания, представления явлений: *малёнько, шалюшка, тáрочки, уточки, я́ички, и терминов родства: мама, папа, отец, девочка, девка* (в значении ‘дочь’), *девушка* (в значении ‘девочка, дочь’), *сын, муж, тетя, бабушка, зять, внук, внучка, свекровка*. Присутствуют имена существительные женского рода, которые обозначают женщин и образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин и являющихся парными к ним, т. е. феминитивы, например: *докторица*.

В речи присутствует и религиозная лексика, хотя в достаточно ограниченном количестве: *крешиона, крестили, икона, молилась, батюшка, Бог*.

Следует отметить наличие в речи Лидии вкраплений из китайского языка, главным образом, имён собственных: названий сёл (*Саньхэ*), провинций (*Шаньдун, Хэбэй*), а также имён и фамилий. Но среди вкраплений не только имена собственные: *Нет / это как сказать // Шэнчаньдуй⁷ //*; *Он в чжэнфу⁸ работает //*; *Мама если жива шас будет так цзюшилю⁹ //*; *Деда же у меня чиста китаец / Хэбэйжэнь¹⁰ //*. Наблюдается переключение с русского языка на китайский, однако это случается нечасто, обычно в тех случаях, когда нужно было использовать числительные (если речь шла о возрасте, например) или когда информант не мог подобрать эквивалент в русском языке: *уинянь¹¹; воцзиньяньцишисань¹², шэнчаньдуй¹³, чжэнфу¹⁴*.

В целом можно констатировать, что лексический запас информанта достаточен для свободной коммуникации, что выражается в свободном построении высказываний на русском языке, редких переходах на китайский язык. Однако из-за отсутствия возможности пополнения словарного запаса отмечается незнание информантом лексических обозначений современных реалий и, как следствие этого, наблюдается свободное использование ресурсов языковой системы (так, слово *этажи* используется метонимически в значении ‘многоэтажный дом’).

3. Заключение

Анализ речи представительницы русского восточного зарубежья в китайском Трёхречье показал, что в последние годы основным языком Лидии является китайский, русский же язык находится в пассивном употреблении. Длительное функционирование

⁷ 生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375]

⁸ 政府 кит. правительство [Котов, 2000, с. 346]

⁹ 九十六 кит. девяносто шесть [Котов, 2000, с. 89]

¹⁰ 河北人 кит. житель провинции Хэбэй [Котов, 2000, с. 530]

¹¹ 五一年 кит. 51 год [Котов, 2000, с. 387]

¹² 我今年七十三 кит. мне в этом году 73 года

¹³ 生产队 кит. производственная бригада [Котов, 2000, с. 375]

¹⁴ 政府 кит. правительство [Котов, 2000, с. 346]

русского языка вне метрополии в условиях языкового контакта, подчинённое положение по отношению к китайскому языку, а также узость сферы употребления (бытовое общение) и существование лишь в устной форме отразились на его состоянии и степени сохранности. Русский язык ушёл в пассивный запас личности и постепенно забывается.

В настоящее время на всех уровнях языковой системы в речи информанта наблюдаются следы межъязыковой интерференции, обусловленные типологическими различиями двух контактирующих языков (русского и китайского) и демонстрирующие неустойчивые, слабые участки системы русского языка. Присутствие русских диалектных черт на всех уровнях языковой системы выступает как одна из наиболее ярких специфических особенностей речи информанта. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что данный вариант языка остаётся практически без изменений, несмотря на отсутствие факторов, которые могли бы способствовать его сохранению.

Список литературы

- Беседа..., 2017–2018 – Беседа с Л. Д. [запись] // Фоноархив «Русское Трёхречье». Записи: 2017–2018.
- Виноградов, 1990 – Виноградов, В. А. Интерференция [Текст] / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яреца. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 197 с.
- Винокур, 1989 – Винокур, Т. Г. Речевой портрет современного человека [Текст] / Т. Г. Винокур // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – 504 с.
- Гордеева, 2012 – Гордеева, С. В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаезычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) [Текст] / С. В. Гордеева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 363. – С. 16–19.
- Ерофеева, 2017 – Ерофеева, Т. И. Речевой портрет провинциального города: учеб. пособие по спецкурсу [Текст] / Т. И. Ерофеева. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 192 с.
- Земская, 2008 – Земская, Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) [Текст] / Е. А. Земская // Русский язык в Научном освещении. – 2008. – №1(15). – С. 196–207.
- Земская, 2001 – Земская, Е. А. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты [Текст] / Е. А. Земская. – М.: Языки славян. культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. – 492 с.
- Земская, 2000 – Земская, Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) [Текст] / Е. А. Земская // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова – М.: Азбуковник, 2000. – С. 100–121.
- Игнатович, 2009 – Игнатович, Т. Ю. Забайкальские диалекты в условиях современных интеграционных процессов [Текст] / Т. Ю. Игнатович // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6. – С. 232–238.
- Каверина, 1998 – Каверина, В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) [Текст] / В. В. Каверина // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст., посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / отв. ред. Л. П. Клобукова. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 78–92.
- Касаткин, 1989 – Касаткин, Л. Л. Русская диалектология: учебник [Текст] / Л. Л. Касаткин. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.
- Китайгородская, Розанова, 1995 – Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. [Текст] / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: [Б. и.], 1995. – 128 с.
- Князев, 2008 – Князев, С. В. Русская диалектная фонетика: учеб. пособие [Текст] / С. В. Князев. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 42 с.
- Колобова, 2019 – Колобова, Э. А. Забайкальские говоры [Электронный ресурс] / Э. А. Колобова // Энциклопедия Забайкалья 15/04/2019. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2006>.

- Котов, 2000 – Котов, А. В. Новый китайско-русский словарь [Текст] / А. В. Котов. – М. : Русский язык – Медиа, 2000 – 612 с.
- Крысин, 2001 – Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 90–106.
- Николаева, 1991 – Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания [Текст] / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция / отв. ред. О. Л. Дмитриева; Ин-т русского языка Академии наук СССР. – М. : ИРЯЗ. – 1991. – С. 69–74.
- Оглезнева, 2009 – Оглезнева, Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине) [Текст] / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
- Оглезнева, 2007 – Оглезнева, Е. А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект / Е. А. Оглезнева [Текст] / Е. А. Оглезнева // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007 – № 299. – С. 16–22.
- Панов, 2002 – Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. [Текст] / М. В. Панов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 456 с.
- Пустовалов, 2018 – Пустовалов, О. В. История русского Трехречья в рассказах переселенцев из России [Текст] / О. В. Пустовалов // Забайкальское казачество: История и современность : Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. ; отв. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2018. – С. 57–59
- Соломеина, 2013 – Соломеина, Ю. Н. Трехречье – русская национальная волость в приграничном Китае [Текст] / Ю. Н. Соломеина // Общество и государство в Китае. – 2013. – Т. 43. – № 2. – С. 223–227.
- Спешнев, 1980 – Спешнев, Н. А. Фонетика китайского языка [Текст] / Н. А. Спешнев. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. – 141 с.
- Юмсунова, 1999 – Юмсунова, Т. Б. Фонетическое и морфологическое своеобразие говоров старообрядцев Забайкалья [Текст] / Т. Б. Юмсунова // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 4. – С. 49–53.

References

- Beseda s L. D. (2017–2018). [Conversation with L. D.]. Fonoarkhiv «Russkoe Trekhrech'e». Zapisi [Phonoarchive «Russian Trekhrech'e». Records].
- Vinogradov, V. A. (1990). Interferentsiya [Language interference]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Vinokur, T. G. (1989). Rechevoy portret sovremennogo cheloveka [Speech portrait of a modern person]. In I. T. Frolov. (Ed.), *Chelovek v sisteme nauk* [Person in the system of sciences] (pp. 361–370). Moscow : Nauka Press.
- Gordeeva, S. V. (2012). K voprosu o yazykovoy kompetentsii russkikh i ikh potomkov v kitaeyazychnoy srede (na materiale rechi potomkov russkikh pereselentsev v prigranichnyy Kitay) [On Russians' and their descendants' language competence in Chinese language environment (Based on speech of descendants of Russian immigrants to border China)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 363, 16–19.
- Erofeeva, T. I. (2017). *Rechevoy portret provintsial'nogo goroda* [Speech portrait of a provincial city]: A coursebook. 3d edition. Moscow : FLINTA Press.
- Zemskaya, E. A. (2008). Rechevoy portret emigrantki pervoy volny (tret'e pokolenie) [Speech portrait of an emigrant of the first wave (third generation)]. *Russkiy yazyk v Nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory] (pp. 196–207), 1 (15).
- Zemskaya, E. A. (2001). *Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchie protsessy i rechevye portrety* [The Russian Language Abroad. General Processes and "Portraits" in the Vernacular] Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury Press ; Vienna.
- Zemskaya, E. A. (2000). Rechevoy portret emigrantki pervoy volny (k voprosu ob ob'yasnitel'noy sile teorii estestvennoy morfologii) [Speech portrait of an emigrant of the first wave (on the question

- of the explanatory power of the theory of natural morphology)]. In L. P. Krysin (Ed.), *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today] (pp. 100–121). Moscow : V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Press.
- Ignatovich, T. Yu. (2009). Zabaykal'skie dialekty v usloviyakh sovremennykh integratsionnykh protsessov [Trans-Baikal dialects in the context of modern integration processes] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 6, 232–238.
- Kaverina, V. V. (1998). Obuchenie russkomu proiznosheniyu lits, govoryashchikh na kitayskom yazyke (na osnove sopostavitel'nogo analiza kitayskoy i russkoy foneticheskikh sistem) [Teaching Russian pronunciation to people who speak Chinese (Based on a comparative analysis of Chinese and Russian phonetic systems)]. In L. P. Klobukova (Ed.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: A collection of scientific articles dedicated to the memory of Galina Rozhkova (Vol. 6, pp. 78–92). Moscow : Dialog-MSU Press.
- Kasatkin, L. L. (1989). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]: A coursebook. Moscow : Prosveshchenie Press.
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova N. N. (1995). *Russkiy rechevoy portret: fonokhrestomatiya* [Russian speech portrait. Phonochrestomathy]. Moscow.
- Knyazev, S. V. (2008). *Russkaya dialektnaya fonetika: uchebnoe posobie* [Russian dialect phonetics: a textbook]. Moscow : Moscow State University Press.
- Kolobova, E. A. Zabaykal'skie govory. Entsiklopediya Zabaykal'ya [Trans-Baikal dialects. Encyclopedia of Transbaikal]. Retrieved April 4, 2019 from < <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2006>>.
- Kotov, A. V. (2000). *Novyy kitaysko-russkiy slovar'* [New Chinese-Russian dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk – Media Press.
- Krysin, L. P. (2001). Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta. [Modern Russian intellectual: An attempt at a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 1, 90–106.
- Nikolaeva, T. M. (1991). «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya ["Sociolinguistic portrait" and methods of its description]. In O. L. Dmitrieva (Ed.), *Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian language and modernity. Challenges and outlook for the development of Russian studies]: All-Union scientific conference (pp.69–74). Moscow : V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
- Oglezneva, E. A. (2009). *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [Russian language abroad in the east (based on the Russian language in Harbin)]. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
- Oglezneva, E. A. (2007). Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e: orfograficheskiy aspekt [The Russian language in the Eastern branch of Russian emigration: Orthographical aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 299, 16–22.
- Panov, M. V. (2002). *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries.]. Moscow : Editorial URSS Press.
- Pustovalov, O. V. (2018). Istoriya russkogo Trekhrech'ya v rasskazakh pereselentsev iz Rossii [History of the Russian Sanhe told by descendants of the Russian settlers]. In E. V. Drobotushenko (Ed.), *Zabaykal'skoe kazachestvo: Istoriya i sovremennost'* [Trans-Baikal Cossacks: History and Modernity] (pp. 57–59). Chita : Transbaikal State University.
- Solomeina, Yu. N. (2013). Trekhrech'e – russkaya natsional'naya volost' v prigranichnom Kitae [Three Rivers region is the Russian national district in the Border China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [State and Society in China] (Vol. 43, Part 2, pp. 223–227). Moscow : Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
- Speshnev, N. A. (1980). *Fonetika kitayskogo yazyka* [Phonetics of the Chinese language]. Leningrad : Leningrad University Press.
- Yumsunova, T. B. (1999). Foneticheskoe i morfologicheskoe svoeobrazie govorov staroobryadtsev Zabaykal'ya [Phonetic and morphological peculiarities of old believers' dialects in Transbaikalia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities in Siberia], 4, 49–53.